

УДК 17.021.3

Евдошенко А. Л.

Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина

КОД И ПОВЕРХНОСТЬ: ДВОЙСТВЕННОСТЬ «НОВОЙ» МЕДИАЛЬНОЙ СРЕДЫ

В статье выявляется фундаментальная двойственность между кодом и поверхностью. В этом контексте рассматриваются концепции о конце «галактики Гутенберга» и о аудио-визуальном характере новой медиа среды. Код – это движущая сила всякой медийной среды и он имеет текстовый характер. Исходя из этого, новые медиа рассматриваются как продолжение и развитие культуры текста, а не как её отрицание. Различие между кодом и поверхностью соответствует также различию в отношении к медиа среде. Соответственно, выделяется позиция автора, работающего с кодом и пользователя, которому доступна только поверхность.

Ключевые слова: новая медиа среда, код, поверхность, транскодинг, интерфейс.

У статті уявляється фундаментальна двоякість коду та поверхні. В цьому контексті розглядаються концепції кінця «галактики Гутенберга» і аудіо-візуального характеру нового медіа середовища. Код – це рушійна сила всякого медіального середовища і він має текстовий характер. Виходячи з цього, нові медіа розглядаються як продовження і розвиток культури тексту, а не її заперечення. Розрізнення між кодом і поверхнею відповідає також розрізненню у відношенні до медіа середовища. Відповідно, виділяється позиція автора, що працює з кодом, і користувача, котрий дістається лише поверхні.

Ключові слова: нове медіа середовище, код, поверхня, транскодинг, інтерфейс.

In the paper is constructed fundamental duality between code and surface. In this context are considered conceptions about the end of “Gutenberg galaxy” and about the audio-visual nature of new media environment. Code is active power of any media environment and it has literacy nature. According this thesis new media is considered as continuation and developing of literacy culture instead of being negation of it. Difference between code and surface conformed to a difference of attitude to the media environment. Accordingly, it highlights position of authorship, that works with code and position of user-ship, that interact only with surface.

Key words: new media environment, code, surface, transcoding, interface.

Сегодня мы наблюдаем процесс изменения информационной структуры общества и поэтому весьма *актуальными* представляются любые попытки внести ясность в то, чем же является «новая медиа среда» и каковы её свойства. Что касается *разработанности темы*, то мы обращаемся в данной работе к теории одного из наиболее авторитетных авторов в данной области Льва Мановича, а также к ряду других англоязычных авторов. *Задача* данной статьи состоит в том, чтобы, исходя из заявленной дихотомии, прояснить вопрос об определении места новых медиа в общей истории средств медиации. Мы ставим перед собой *цель* – обосновать тезис о сохранении новыми медиа преимущественно текстового характера. *Новизна* подхода связана с полемическим характером данного утверждения, по отношению к во многом принятому в исследованиях новых медиа подходу.

Новые медиа – это установившийся в последнее время термин для обозначения некой совокупности коммуникативных средств, основанных на цифровых технологиях. В силу ряда причин, границы того, что мы называем новыми медиа достаточно размыты. Как замечает Лев Манович: «Что такое новые медиа? Мы можем ответить на этот вопрос, перечисляя категории обычно обсуждаемые под этим заголовком в популярной прессе: интернет, вебсайты, компьютерные мультимедиа, компьютерные игры, CD-ROM и DVD, виртуальная реальность. И это всё относительно новых медиа? Как насчёт телепрограмм выпущенных на цифровом видео и редактируемых с помощью компьютеров? <...> Где мы должны остановиться?» [5, с. 5]. Тот же автор выделяет ряд свойств, характерных, по его мнению для новых медиа: цифровая репрезентация, алгоритмизация, фрагментарность, изменчивость, транскодинг [5, с. 10]. Нас в данной работе будет интересовать прежде всего такое свойство, как транскодинг. Изначально, это сугубо технический термин, означающий перевод компьютерных данных из одного цифрового формата в другой. Попадая в теоретический дискурс «new media studies», данный термин трактуется уже более расширено, как возможность перевода нецифровой информации

(текст, звук, фото, видео) в цифровой формат. Код может соответствовать информации, находившейся до этого в любой форме. Совершенно разнородные и мало совместимые до этого элементы могут быть поставлены рядом в пространстве электронного документа. Именно это свойство новых медиа позволяет говорить о новой медиа среде, как о чём-то целостном, интегративном. Исходя из этого, некоторые авторы утверждают, что возникновение новых медиа является в развитии человечества шагом, сопоставимым с изобретением алфавита, а то и с возникновением языка как такового. С нашей точки зрения, подобные утверждения несколько безосновательны. Сначала попробуем уточнить, из какой именно системы мысли возник данный тезис. Своё начало данная линия мысли берёт ещё в работах Маршала Маклюэна [3; 4], основным тезисом которого было то, что выбор средства передачи информации, выбор медиума, является принципиально важным для определения сущности той или иной культуры. Он различает культуры, ориентированные на устную коммуникацию, на письменную (печатную) коммуникацию и на коммуникацию электронную. Соответственно, преобладающий способ восприятия аудиально-тактильный, визуальный и снова аудиально-тактильный. Грядущая электронная культура видится Маклюэну (он писал в 60х годах) отчасти как возвращение традиционной устной культуры, во всяком случае, электронная культура должна быть больше похожа на неё, чем на «культуру письма» или «культуру грамотности» (literacy culture). Среди более современных авторов, работающих в том же направлении, можно отметить Ричарда Ленема [2], с его концепцией возвращения риторической парадигмы культуры, а также отчасти Ганса Ульриха Гумбрехта, с его различением культур присутствия и культур значения [1]. Можно проследить отражения данной идеи в приложении к вопросам искусства, образования, стратегий культуры.

Вопрос о «новых медиа» и «медиа культуре» оказывается более фундаментальным, чем это кажется на первый взгляд. Если представить всякое социальное взаимодействие как род коммуникации, опосредованной тем или иным средством сообщения (медиумом), то характер медиации определяет сам дух и способ существования общества. Таким образом, дискуссия о медиа подшивается к дискуссии о том, чем по сути является общество модерна и какова его связь с традиционным обществом и с обществом пост/позднего модерна. Так, например, именно со средствами коммуникации Маклюэн связывает разрушение органических связей в традиционном обществе. Оставляя в стороне дискуссии о том, играют ли медиа здесь роль причины общественной динамики или же следствия её (дискуссия о техническом детерминизме), большинство исследователей сходится в том, что изменения в медиа среде коррелируют с общественными трансформациями.

Следует заметить, что эмоциональное отношение к новым медиа может быть различным. Можно встретить восторженные ожидания того, что они сделают нашу жизнь более целостной, более демократичной, более наполненной и так далее. Как удачно заметила Венди Куонг в своём предисловии к сборнику «Старые и новые медиа: историко-теоретический вестник»: «...интернет, как кажется, в очередной раз обновляет старые теории, мечты, и структуры, оживляет афинскую демократию, буржуазную публичную сферу, деконструкцию и капитализм» [7, с. 8]. Другие же, напротив, ожидают от электронных медиа забвения всех ценностей, свойственных современной западной цивилизации и «подаренных нам печатным станком», нашествия нерациональности и новой мифологии. В самом деле, можно столь же легко представить себе, что новые медиа сделают общество более тоталитарным, менее ответственным, менее разумным и так далее. Возникает множество вопросов начиная от копирайта, заканчивая практическим осуществлением электронного гражданского участия. Мы видим множество сценариев того, как знакомый мир изменится безвозвратно, упуская, однако, что он может в сути своей остаться прежним. Целостная электронная мультимедийная среда воспринимается как пространство всеобщего диалога, в котором возможно примирение противоборствующих сил, либо как иллюзия, скрывающая реальную деятельность этих же сил.

Целостность новой медиа среды может быть перенесена мысленно на целостность социальной группы, чем объясняется распространённая идея о том, что электронные медиа могут способствовать возвращению традиционного сообщества. Маклюэн говорил в этой связи о «ретрайбализации» общества. Что представляется здесь важным, так это осознание искусственности и сконструированности всякой идеи органического сообщества. В этом для нас открывается перспектива для радикально другого понимания связи между медиа и сообществом. Органическая целостность, несомненно, является лишь иллюзией, всё более

совершенные средства медиации приближают нас к ней, одновременно заставляя понимать её иллюзорную природу всё более отчётливо.

Тара Макферсон в своей статье «Перезагрузка: эффект присутствия, мобильность и Сеть» [6] пытается исследовать особенности феноменологии восприятия пользователя новых медиа. В качестве основных характеристик она выделяет эффект присутствия («liveness»), изменчивость и способность к трансформации. Подробно рассматривая, как именно и за счёт чего обеспечивается такое восприятие новой медиа среды, она, с одной стороны, высказывает опасения относительно того, что данные характеристики могут оказаться иллюзорными, а с другой стороны оставляет возможность для утверждаемых новыми медиа ценностей оставаться подлинными. Иными словами, её позиция заключается в том, что даже если нечто используется в качестве корпоративной неолиберальной идеологии, мы всё ещё можем верить в это и делать мир лучше посредством этого.

В любом случае, мы сталкиваемся с базовым различием, которое мы и хотели бы рассмотреть поподробнее – различием кода и поверхности. С одной стороны, этот факт кажется очевидным, с другой стороны, в большинстве случаев методология исследования новых медиа, на наш взгляд, игнорирует это фундаментальное различие, сосредотачиваясь на том, что происходит на уровне «поверхности».

Это может быть связано с тем, что именно с поверхностью чаще всего способен соприкоснуться рядовой пользователь медиа. Здесь нам кажется уместным ввести в концептуальное поле различие между позицией пользователя и позицией автора. Автор, работающий в пространстве новых медиа, просто обязан в той или иной мере работать с кодом, для того чтобы использовать их специфику в полной мере. Этим тезисом, на наш взгляд, должны быть дополнены все рассуждения о том, что новые медиа предоставляют каждому возможность свободно и в полной мере высказаться по любому вопросу. В этом смысле «медиаграмотность» (medialiteracy) должна оставаться в полной мере именно literacy, то есть письменной грамотностью, и не может сводиться к искусству манипуляции образами.

Сама по себе техническая возможность активной позиции не является залогом наличия этой позиции. В новых медиа пользователь, точно так же как и потребитель медиа традиционных, вполне может сохранять свою пассивную позицию и своё право на неведение. Более того, зачастую он готов платить за своё неведение.

Различие между хардом (материальный носитель) и софтом (программным обеспечением) является на сегодняшний день общепринятым. Эта диада, в некотором смысле, является отражением столь же традиционной оппозиции между телом и сознанием. Осознавая всю условность подобной параллели, можно всё же отметить, что оно укоренено на уровне представления достаточно плотно. Мы хотим предложить несколько иное разделение: хард, код и интерфейс, которое мы столь же условно будем ассоциировать с известной психоаналитической триадой реальное, символическое, воображаемое. В этом ракурсе повышенное внимание именно к интерфейсу совпадает с отмечаемым многими теоретиками превалярованием сферы воображаемого в современном обществе. В отличие от Бодрийара, мы не пытаемся противопоставить логику кода и логику символического обмена, а скорее отождествляем их (в рамках данного рассуждения, по крайней мере). Измерение кода или символическое измерение присутствует, на наш взгляд, в равной мере в «классическом» печатном тексте и в тексте визуальном\аудиальном в качестве его организующего компонента. Искусство фотографии или живописи невозможно без чётко формализованной теории композиции, то же относится и к музыке. Даже если, выступая потребителем, мы можем не отдавать себе в этом отчёт, то любая претензия на авторство безжалостно и сурово ставит нас лицом к лицу с необходимостью разобраться с кодом.

Несомненно, техническая грамотность (в самом широком смысле) часто выступает как нечто, организующее социальную общность. В данном случае мы сталкиваемся ещё с одним проявлением данного феномена. С одной стороны, мы видим некоторую «элитарность» позиции владения кодом, поскольку именно код предоставляет доступ к управлению/власти. С другой стороны, мы видим определённый диктат поверхности, оправданный тем, что именно ценности поверхности (порыв, желание, искренность) представляются привилегированными.

Код выполняет рабочую функцию относительно интерфейса, выступая в качестве движущей силы медиасреды. Без кода она функционировать не может. Поэтому так называемая новая медиа культура не может считаться в полной мере аудиально-тактильной или

визуальной, и во многом сохраняет текстовый характер. Именно поэтому большая часть утопических надежд на радикальное преобразование общества оказываются преждевременными. Так, например, гражданский политический активизм, осуществляемый при помощи социальных медиа, не может рассматриваться как принципиально новое общественное явление только из-за того, что способы распространения информации в нём отличаются от традиционных. В частности, общественные процессы в ряде стран третьего мира, которые стали возможны исключительно благодаря новым медиа, так называемые «твиттер-революции» имеют по существу характер совершенно современных националистических движений, которые, если верить тому же Маклюэну, свойственны в первую очередь именно «галактике Гуттенберга». Различие между листовкой и смской революционного содержания оказывается намного меньше, чем различие между листовкой и рукописью.

Косвенно письменную или даже «литературную» природу программного кода подтверждают и существующие юридические механизмы – текст программы защищается по тем же правилам, что и текст литературного произведения. Немецкий исследователь Вольфганг Хаген в своей статье «Стиль источника. Заметки по теории и истории языков программирования» [8] исследует процесс становления языков программирования с медиалогической точки зрения и приходит к выводу, что осмысление способа «общения» с компьютером по аналогии с естественным языком является той идеей, благодаря которой новые медиа оказались возможны как таковые.

Если принять предположение о корреляции между ценностями проекта Просвещения и культурой печатной книги, то код оказывается тем элементом, который возможно сохранить. Предположим, соединение идеи суверенного разума с технологией печати дало исторически известный нам проект Просвещения, тогда можем ли мы оплакивать данный проект, исходя из плачевного состояния данной технологии? Или же, мы можем поставить себе задачу найти способы соединения новой технологии с этой же идеей? Есть ли у нас, в конце концов, выбор?

Не следует думать, что код более «реалистичен», нежели «поверхность» или нечто подобное, мы хотим лишь подчеркнуть в качестве *вывода*, что он как минимум не менее важен, и что многие актуальные проблемы новой медиа-среды могут быть поставлены и разрешены только на уровне кода. В идее кода, который является одновременно словом и действующей силой, мы можем различить отголоски старого богословского тезиса об энергичной реальности Слова и, если относительно реального мира мы не можем быть уверены до конца, то сотворение «виртуальных» (в узком смысле этого слова) миров происходит именно таким образом. Естественно, столь явное и банальное осуществление идеи провоцирует новую волну поисков божественного или сакрального в непосредственном присутствии воображаемого и принижения сферы рационально производимых значений/смыслов. Но та кажущаяся шизофреническая непосредственность, с которой присутствие воображаемого осуществляет наши желания, вовсе не является такой уж непосредственной. Нам хочется закончить цитатой из книги Жюль Делёза «Переговоры» в которой он иронично замечает по поводу критики вышедшего незадолго до этого первого тома «Капитализма и шизофрении»: «Я так устал от шизофреников, истинных или ложных, что с радостью обращаюсь к паранойе. Да здравствует паранойя!».

ЛИТЕРАТУРА

1. Гумбрехт Х. У. Производство присутствия: Чего не может передать значение / Ганс Ульрих Гумбрехт; [пер. с англ. С. Зенкина]. – М.: Новое литературное обозрение, 2006. – 184 с.
2. Ленем Р. Электронное слово: демократия, технология та мистецтво / Ричард Ленем; [пер. с англ. А. Галушко]. – К.: Ника-Центр, 2005. – 376 с.
3. Маклюэн Г. М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека / Маршалл Маклюэн; [пер. с англ. В. Николаева]. – М.; Жуковский: КАНОН-пресс-Ц, 2003. – 464 с.
4. Маклюэн Г. М. Галактика Гуттенберга: Сотворение человека печатной культуры / Маршалл Маклюэн; [пер. с англ. А. Юдина]. – К.: Ника-Центр, 2003. – 432 с.
5. Manovich L. What is new media? / Lev Manovich // The New Media Theory Reader. Open University Press, 2006. – p. 5-10.
6. Mcpherson T. Reload: Liveness, Mobility, and the Web / Tara Mcpherson // New media, Old media. A History and Theory Reader, 2006. – p. 199-209.

7. Kyong Chun W. Introduction: Did Somebody Say New Media? / Wendy Hui Kyong Chun // New media, Old media. A History and Theory Reader, 2006. – p. 1-11.
8. Hagen W. The Style of Sources. Remarks on the Theory and History of Programming Languages / Wolfgang Hagen // New media, Old media. A History and Theory Reader, 2006. – p. 157-174.